

Luna Lee

Чудеса после весны

Luna Lee

Чудеса после весны

<https://litres.ru/74254909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девятнадцатилетняя художница Мелани переживает болезненное расставание с токсичным парнем Эндрю. Она впадает в депрессию, перестаёт рисовать и живёт только работой.

В её мастерской появляется Мейсон — замкнутый сирота с тяжёлым прошлым, который тоже прошёл через предательство и потерю. Он не жалеет её, а провоцирует: говорит, что в её рисунках нет красного цвета. Постепенно они сближаются, начинают рисовать вместе и помогают друг другу выбраться из тьмы.

Их чувства растут через ссоры, творческие споры, появление бывшей Мейсона Алисы и судебную тяжбу за мамину кисть. Вместе они побеждают в конкурсе «Начало» и уезжают на стажировку в Лондон.

В финале перед ними встаёт выбор: остаться в Лондоне навсегда или вернуться домой. Они находят компромисс и понимают главное: дом — не город, а человек рядом. Они справились. Не идеально, но по-настоящему.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Luna Lee

Чудеса после весны

Глава

ВСТУПЛЕНИЕ

Меня зовут Мелани Блэк, и я не верю в чудеса.

В детстве — верила. Ждала, что феи прилетят и поменяют мне оценки в дневнике, что говорящий кот откроет дверь в Нарнию, что под подушкой окажется не выпавший зуб, а билет на концерт любимой группы. Не дождалась. Выросла.

К девятнадцати годам я твёрдо усвоила: чудеса случаются только с теми, у кого есть время их ждать. У меня же времени не было совсем. Учёба в художественном училище, диплом, бесконечные наброски, которые никто не оценит так, как хотелось бы. И Эндрю.

Эндрю — это отдельная песня. Грязная, фальшивая, заезженная пластинка, которую я слушала на репите два года, потому что боялась тишины. Он был странным: сначала ласковым и милым, а в следующую секунду — грубым и чёрствым. Резкие перепады, как погода в апреле. Я привыкла. Я терпела. Я думала, что это норма.

Хелен говорила, что я дура. Хелен всегда говорила, что я дура, когда речь заходила об Эндрю. Она моя подруга. Луч-

шая. Единственный человек, который может заставить меня улыбнуться даже в тот момент, когда всё внутри сжалось в комок и не хочет разжиматься.

Только в тот день улыбаться не хотелось совсем.

ГЛАВА 1. ПРОЩАЙ

Осень того года выдалась серой.

Не в смысле погоды — хотя дожди лили как из ведра, и солнце не показывалось неделями. А в смысле чувств. Я ходила на пары, возвращалась в мастерскую, рисовала мрачные деревья с обрубленными корнями, потом шла домой, падала на кровать без сил и смотрела в потолок.

Эндрю пропадал на несколько дней, потом появлялся, извинялся, обещал исправиться — и снова исчезал. Его сообщения стали короче, встречи — реже. Я научилась не спрашивать, где он был. Научилась не плакать при нём. Научилась молчать.

Круг замкнулся.

Хелен ждала меня у выхода из училища. Стояла под козырьком, курила электронную сигарету и смотрела на меня так, будто видела насквозь.

— Ты сегодня какая-то никакая, — сказала она вместо приветствия.

— Спасибо, ты меня вдохновляешь.

— Не ершись. — Она бросила сигарету в урну и взяла меня под руку. — Пойдём ко мне. Посидим на подоконнике, как раньше.

Мы шли по мокрому асфальту, перепрыгивая лужи. Я смотрела под ноги и молчала. Хелен не задавала вопросов. Она умела ждать.

В общежитии пахло борщом и стиральным порошком. Мы поднялись на третий этаж, прошли мимо комнаты соседки, которая вечно орала по телефону, и забрались на широкий подоконник в конце коридора. Я укуталась в плед Хелен, смотрела на мокрые фонари за окном и чувствовала, как внутри нарастает ком.

— Я не знаю, что делать, — сказала я наконец.

— Поговори с ним, — ответила Хелен. — Серьёзно. Не в «WhatsApp», не через «всё нормально, просто устала». А по-человечески сесть и сказать: «Эндрю, мне хреново».

— Мы уже говорили тысячу раз.

— Значит, скажи в тысячу первый. Или расстанься.

— Легко сказать.

— А ты попробуй. — Хелен повернулась ко мне. У неё были тёмные глаза, которые видели всё. Даже то, что я пыталась спрятать глубоко внутри. — Мелани, посмотри на себя. Ты плачешь чаще, чем смеёшься. Ты боишься своего парня. Это не норма.

— Я не боюсь, — соврала я.

— Ты боишься его настроения. Ты ходишь на цыпочках. Ты вздрагиваешь, когда он повышает голос. — Хелен вздохнула, провела рукой по моим волосам, как в детстве. — Я устала на это смотреть. Я люблю тебя, поэтому говорю. По-

обещай мне, что поговоришь с ним.

Я молчала. В голове вертелись тысячи «но». Но он изменится. Но он меня любит. Но я без него пропаду. Но вдруг у него трудный период. Но если я расстанусь, то останусь одна, а одна я не выдержу.

— Пообещай, — повторила Хелен.

Я подняла на неё глаза. Она смотрела твёрдо. Я знала: она не отстанет.

— Ладно, — выдохнула я. — Обещаю.

Я соврала и в этот раз.

Встречу мы назначили в кафе «У Грега». То самое место, где всё начиналось.

Обычная забегаловка с линолеумом в цветочек, пластмассовыми стульями и вечно занятыми розетками. Но для меня оно было особенным. Потому что именно здесь два года назад Эндрю подошёл ко мне, когда я сидела с чашкой зелёного чая и читала книгу про Ван Гога.

— Ты художница? — спросил он тогда.

Я подняла голову. Передо мной стоял парень в чёрной куртке, с лёгкой небритостью и глазами, которые смотрели на меня так, будто я была единственным человеком в зале.

— Откуда ты знаешь? — спросила я настороженно.

— У тебя под ногтями краска. — Он улыбнулся. Не натянуто, а искренне. — Я тоже рисую. Ну, пытаюсь.

— И что у тебя получается?

— Пока только чёрные квадраты. Как у Малевича, только без таланта.

Я засмеялась. Он засмеялся. А через неделю мы уже встречались.

Сейчас я сидела за тем же столиком, пила тот же зелёный чай и пыталась вспомнить, когда в последний раз он смотрел на меня так же, как в тот первый вечер.

Не могла вспомнить.

Я пришла на полчаса раньше. Заказала чай, хотя пить не хотелось. Крутила в руках салфетку, прокручивала в голове слова, которые скажу. «Эндрю, мне больно. Эндрю, так больше не может продолжаться. Эндрю, я...»

Я не знала, чего хочу на самом деле. Расстаться? Остаться? Попросить его просто стать другим человеком?

В ожидании я разглядывала посетителей. В углу какая-то девушка кормила парня пирожным. У стойки мужчина в костюме нервно пил эспрессо. За соседним столиком подростки спорили о «Мстителях». Обычный вечер. Обычные люди. Обычная жизнь, которая шла своим чередом, пока моя разваливалась на куски.

Прошёл час. Чай остыл. Я попросила второй.

Эндрю не приходил.

Я написала ему: «Ты где?» — прочитано. Без ответа.

Через пятнадцать минут: «Эндрю, я жду уже час». Прочитано. Молчание.

Через полчаса: «Если ты не придёшь, я уйду». Прочитано.

Тишина.

Я сидела и смотрела на экран телефона, пока он не погас. Внутри поднималась злость. Не на него. На себя. За то, что опять жду. Опять надеюсь. Опять веду себя как дура.

На часах было уже два часа ожидания. Я собрала вещи, встала, взяла сумку. Решила, что уйду. Что позвоню Хелен и скажу: «Я пыталась, но он даже не пришёл, и это всё, это точка».

И тут дверь кафе звякнула колокольчиком.

Он стоял на пороге. В своей вечной чёрной куртке, с влажными от дождя волосами и полуулыбкой, которая раньше казалась мне обаятельной, а теперь вызывала только усталость.

— Мели, привет. Извини, задержался.

— На два часа, — сказала я. Голос дрожал, но я старалась держаться.

— Дела были.

— Какие дела, Эндрю? Ты мог хотя бы написать.

Он пожал плечами и подошёл ближе. Я сделала шаг к нему, по привычке. Протянула руки, чтобы обнять. Он поднял ладонь, останавливая меня.

— Не надо.

— Что?

— Не надо обнимать. — Он не смотрел мне в глаза. Смотрел куда-то в сторону, на соседний столик, где та девушка всё ещё кормила парня пирожным. — Я пришёл не за этим.

У меня похолодели пальцы.

— Зачем же?

Он вздохнул. Тяжело. Устало. Как будто он сейчас закрывает глаза, и мы оба исчезнем.

— Я знаю, ты хотела поговорить о нас, — начал он. — О том, что я холодный. Что я пропадаю. Что тебе больно. Я всё знаю, Мели. Я слышал это уже сто раз.

— Эндрю...

— Дай закончить. — Он поднял на меня глаза. В них не было ни злости, ни жалости. Ничего. Пустота. — В общем, мы расстаёмся.

Я замерла.

Кажется, кто-то уронил ложку. Кажется, за окном проехала машина с включённой музыкой. Кажется, мир не остановился, хотя должен был. Сердце колотилось где-то в горле. Я не могла дышать.

— Что? — переспросила я. Голос звучал чужой, будто не мой.

— Мы расстаёмся, Мели. — Он говорил ровно, без эмоций. Как диктор, который зачитывает прогноз погоды. — Я бросаю тебя. Всё. Ты мне больше не нужна. Ты теперь свободна.

— Но...

— Никаких «но». — Он покачал головой. — Я не хочу тебя мучить. Ты хорошая девушка, правда. Но я... я не могу. Не хочу. Просто не люблю тебя, наверное. Никогда не любил. Прости.

Слово «прости» прозвучало так фальшиво, что мне захотелось закричать.

— Ты не можешь просто так прийти и...

— Могу. — Он развернулся к выходу. — Прощай, Мелани.

Дверь кафе хлопнула. Колокольчик звякнул в последний раз.

Я смотрела на пустой проём и не могла пошевелиться. Внутри была не боль. Внутри была чёрная дыра, которая засасывала всё: голос, мысли, желание заплакать или закричать. Пустота. Абсолютная пустота.

Официантка подошла и спросила, не нужно ли мне что-нибудь ещё.

— Счёт, пожалуйста, — сказала я севшим голосом.

Я не помню, как вышла на улицу. Не помню, как добрела до набережной. Помню только, как смотрела на тёмную воду и листала телефон.

Заблокирован. В «Инстаграме» — заблокирован. В «Телеграме» — заблокирован. Даже в «ТикТоке», где у меня было всего три подписчика — заблокирован.

«Нет... нет... он не мог...»

Но мог. И сделал. С какой же лёгкостью было произнесено это «прощай». Ему не потребовалось долгих объяснений. Ему не потребовалось множества слов. Всего лишь холодное, пустое, безжалостное «прощай».

Я сидела на скамейке, сжимала телефон и ждала, когда придёт облегчение, злость, истерика, что угодно, лишь бы не эта проклятая пустота.

Вместо этого ничего не пришло.

Самое странное — я не плакала. Глаза оставались сухими. Я сидела и смотрела на воду, а вокруг гуляли люди, смеялись, обнимались, жили своей жизнью. И никто не замечал, что я только что умерла. Не по-настоящему. Но достаточно, чтобы перестать чувствовать.

Через два часа я набрала Хелен. Она ответила после первого гудка.

— Он ушёл, — сказала я. Голос не дрожал. — Сказал, что я ему не нужна. Что никогда не любил. И заблокировал везде.

— Где ты? — спросила Хелен. В её голосе не было паники. Только холодная решимость.

— На набережной. Недалеко от Тауэрского моста.

— Сиди на месте. Я выезжаю.

— Не надо. — Я вдруг испугалась, что если увижу её сейчас, то развалюсь на куски окончательно. — Я домой. Просто... скажи мне что-нибудь.

Хелен помолчала. Потом сказала:

— Ты справишься, Мелани. Слышишь? Ты справишься без него. Ты справлялась всегда. Просто забыла об этом.

— А если я не хочу справляться?

— Тогда я буду справляться за тебя. Как всегда.

Я не ответила. Я смотрела на тёмную воду и думала: «Почему я не плачу?»

Потому что внутри было пусто. Совсем пусто.

Дома меня встретила мама. Она стояла в прихожей с телефоном в руке, и лицо у неё было недовольное.

— Мелани, ты где была? Я звонила десять раз!

— Телефон разрядился, — соврала я, проходя мимо неё в коридор.

— Неправда. Я звонила Хелен, она сказала, что ты была у неё.

— Была. Потом погуляла.

— До одиннадцати вечера? В такую погоду? — Мама скрестила руки на груди. — Ты хоть поела?

— Да, мам.

— Выглядишь ты ужасно. Опять не спала?

— Мам, пожалуйста, — сказала я устало. — Не сейчас.

Она хотела что-то добавить, но из гостиной выглянул папа. Он посмотрел на меня, потом на маму и мягко сказал:

— Оставь её, завтра у неё день рождения.

День рождения. Завтра мне исполняется девятнадцать.

Я забыла.

Я поднялась в свою комнату, закрыла дверь, села на пол прямо в куртке и ботинках. Опустила голову на колени. И только тогда — спустя несколько часов после «прощай» — потекли слёзы.

Тихие. Беззвучные. Они капали на джинсы, на ковёр, на мои руки, которые тряслись так сильно, будто я замерзла насмерть.

Я плакала не оттого, что он ушёл. Я плакала оттого, что позволила ему оставаться так долго. Что терпела. Что надеялась. Что каждый раз, когда он исчезал, я придумывала себе оправдания: «он устал», «у него трудный период», «он же меня любит».

Не любил. Никогда не любил. Я была для него удобной. Тёплой. Всегда доступной. А когда надоело — выбросил.

Телефон завибрировал. Хелен: «Ты как?»

Я смотрела на экран сквозь слёзы и не знала, что ответить.

«Жива», — написала я.

«Дура. Я люблю тебя».

«Я тебя тоже».

Я выключила телефон, легла на кровать прямо в куртке и уставилась в потолок.

Завтра мне девятнадцать. Завтра я проснусь и сделаю вид, что всё в порядке. Завтра я пойду в мастерскую и буду рисовать до онемения пальцев. Завтра я забуду его имя.

Завтра я начну сначала.

ГЛАВА 2. ДЕНЬ, КОТОРОГО Я НЕ ЖДАЛА

Меня разбудил запах блинов.

Он просачивался из кухни сквозь закрытую дверь, смешивался с ароматом кофе и чего-то сладкого, может быть, сгущёнки. Я лежала на боку, свернувшись калачиком, и смотрела

рела на серое утро за окном.

Голова болела. Глаза опухли от вчерашних слёз. В груди всё ещё была та самая пустота, чёрная, вязкая, как застывшая смола.

Я не хотела вставать.

Но мама постучала в дверь и зашла без разрешения — как всегда.

— Мелани, вставай! — Она подошла к окну и раздвинула шторы. Свет ударил в глаза, я зажмурилась. — У тебя день рождения, а ты дрыхнешь до полудня!

— Мам, сейчас девять утра.

— Вот именно! Проспишь всё веселье.

— Какое веселье, — пробормотала я, натягивая одеяло на голову.

— Вставай, говорю. — Она села на край кровати и погладила меня по спине. — Блинчики с твоей любимой сгущёнкой. И подарки.

Я не хотела подарков. Не хотела блинов. Не хотела девятнадцати лет. Я хотела провалиться сквозь кровать, пол, первый этаж и оказаться где-нибудь в подвале, где меня никто не найдёт и не будет поздравлять с днём, когда мне хочется выть.

Но я встала. Потому что мама смотрела на меня с надеждой, а папа уже ждал внизу с фотоаппаратом, и брат наверняка придумал очередную глупую шутку. И я не могла им испортить праздник. Даже если внутри умирала.

На кухне пахло ванилью и счастьем.

Мама хлопотала у плиты, брат сидел за столом и уже наворачивал третий блин. Папа наливал кофе в мою любимую кружку — с единорогом, которую я получила на четырнадцатилетие и с тех пор не меняла.

— С днём рождения, сестрёнка! — крикнул брат с набитым ртом.

— Не говори с набитым ртом, — одёрнула его мама.

— С днём рождения, дочка, — сказал папа и обнял меня. Крепко. По-настоящему. — Как же ты выросла. Помню, держал тебя на руках — маленькую, в розовом конверте. А теперь уже взрослая девушка.

Я зажмурилась, чтобы не расплакаться. Спасибо, папа. Спасибо за эти слова, которые почему-то причиняют боль, даже когда сказаны с любовью.

Мама подбежала и тоже обняла. Потом поцеловала в лоб, как в детстве.

— Наша малышка. Для нас ты навсегда останешься маленькой девочкой.

— Спасибо, — выдавила я. — Я вас очень люблю.

— Садись за стол, а то всё остынет, — скомандовала мама.

Я села. Брат толкнул меня локтем.

— Ну что, как ощущение — девятнадцать?

— Как восемнадцать, только хуже, — ответила я.

— О, начинается философия. Хелен права, ты становишься занудой.

— Хелен вообще много чего говорит.

— Хелен умная девушка, — заметила мама, ставя передо мной тарелку с блинами. — Почему она не пришла?

— Она придет позже. У неё сейчас сессия.

Я соврала. На самом деле я сама попросила Хелен не приходить утром. Не хотела, чтобы она видела меня такой, с опухшими глазами и приклеенной улыбкой.

За завтраком мы болтали о всякой ерунде. Папа рассказывал, как на работе кот забрался в чертежи и никто не мог его оттуда вытащить. Мама жаловалась на соседку сверху, которая снова затеяла ремонт в шесть утра. Брат строил планы на свои зимние каникулы, собирался в горы с друзьями.

Я кивала, улыбалась, ела блины. И ни одного вопроса про Эндрю. Словно все знали, но молчали. Или им было всё равно. Или я так хорошо притворялась, что никто не замечал пустоты у меня в груди.

— Ты сегодня на удивление спокойная, — заметил брат, когда я доедала третий блин. — Даже слишком. Обычно в свой день рождения ты носишься по дому с криками «я всё спланирую сама».

— Взрослею, — пожала я плечами.

— Или устала, — тихо сказала мама, и я сделала вид, что не расслышала.

Подарки были милыми. Духи от мамы — цветочные, с нотками жасмина. Книга про Сальвадора Дали от папы, с огромными иллюстрациями. Смешные носки с котами от

брата.

— Чтобы ноги не мёрзли, пока рисуешь, — объяснил он.

— Спасибо, — сказала я, и в этот раз улыбнулась почти искренне.

— Торт будем резать? — спросил брат, поглядывая на коробку с «Наполеоном».

— После обеда, — строго сказала мама. — Мелани, ты надолго в мастерскую?

Я подняла голову. Я не говорила им, что пойду в мастерскую. Но они знали. Они всегда знали.

— Не знаю, — ответила я. — Надо закончить наброски к диплому.

— В день рождения? — удивилась мама.

— Творческим людям иногда нужно побыть одним, — сказал папа. Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на понимание. — Иди, дочка. Подарки никуда не денутся.

Я поцеловала их обоих, надела куртку и вышла на улицу.

Осенний воздух кусался за щёки. Моросил мелкий дождь, тот самый, который не промочит до нитки, но сделает тебя сырой и несчастной за пять минут. Я шла к училищу быстрым шагом, пряча руки в карманы.

Навстречу попадались люди с зонтами, мокрые собаки на поводках, дети в лужах. Обычный день. Никто не знал, что у меня сегодня день рождения. Никто не знал, что вчера меня

бросил парень. Никто не знал, что внутри у меня пустота.

И это было даже хорошо.

Училище встретило меня запахом масляной краски и сырости. Старое здание, с высокими потолками и облезлой штукатуркой, хранило в себе голоса сотен художников, которые учились здесь до меня. В коридорах было тихо, выходной, только несколько фанатиков вроде меня пришли поработать.

Я спустилась в подвал, где находилась моя мастерская. Достала ключи, открыла дверь. Пахло пылью, скипидаром и чем-то ещё — старым деревом, возможно.

Я включила лампу, заварила растворимый кофе прямо в кружке с трещиной и уставилась на пустой лист на мольберте.

Ни одной идеи.

Я села на табурет, положила руки на колени и просто смотрела на белую поверхность. В голове — тишина. Обычно я слышу голоса, когда собираюсь рисовать. Мои персонажи шепчут, подсказывают, просят на бумагу. Сейчас молчали все.

Может, потому что я сама молчала.

Я взяла уголь и начала водить по бумаге. Линии. Точки. Штрихи. Ничего осмысленного. Просто механические движения, чтобы занять руки.

Через час на листе появилось дерево. Ствол, ветки, корни. Корни были обрублены.

Я смотрела на этот рисунок и вдруг поняла: я рисую не просто деревья. Я рисую себя. Себя, у которой вырвали корни и оставили одну, без опоры, без воздуха, без будущего.

— Класс, — прошептала я. — Просто класс.

Я отложила уголь, взяла чашку с остывшим кофе и сделала глоток. Горько. Как моя жизнь.

В этот момент в дверь постучали.

Негромко. Уверенно. Я не ждала гостей, Хелен всегда входит без стука.

— Войдите, — сказала я, думая, что это уборщица или кто-то из преподавателей.

Дверь открылась.

На пороге стоял парень. Невысокий, худой, в серой толстовке с капюшоном, который был накинут на голову. Джинсы в краске, кроссовки стоптанные. Тёмные круги под глазами — такие, как у людей, которые давно не спят. Или которые видели слишком много.

Я не знала его. Никогда не видела в училище.

— Это твоя мастерская? — спросил он хрипло. Без «здравствуйте». Без «с днём рождения, если что». Просто вопрос.

— Арендную, — ответила я холодно. — Тебе чего?

Он не ответил. Шагнул внутрь, огляделся. Взгляд скользнул по мольбертам, по разбросанным кистям, по стопке готовых работ, прислонённых к стене. Потом повернулся ко мне.

— У тебя краска на щеке.

Я машинально провела рукой по лицу. Пальцы стали серыми.

— Спасибо, — сказала я с иронией. — Ты за этим пришёл? Сообщить, что у меня краска на щеке?

— Нет. — Он подошёл к стене, где висели мои старые работы. Рассматривал их молча, не спрашивая разрешения. Я хотела возмутиться, но почему-то промолчала.

Он остановился у портрета Эндрю. Того самого, что я нарисовала в первый месяц после расставания. Незаконченный. Кривой. Я спрятала его в угол, чтобы не видеть, но выбросить не решилась.

Парень наклонил голову.

— Кто это? — спросил он.

— Никто, — ответила я резко.

— Никто не носит такое лицо. Это лицо человека, который сделал тебе больно.

Я напряглась.

— Ты психолог?

— Нет. Художник. Психологи смотрят на эмоции, художники — на линии. — Он указал на портрет. — Глаза кривые. Правое выше левого на полсантиметра. И свет падает с двух сторон, хотя у тебя лампа одна. Ты сделала это специально?

— Чтобы он выглядел как придурок?

— Чтобы он выглядел так, как ты его видишь. — Парень повернулся ко мне. — Значит, он тебя бросил.

Я не ответила.

— По глазам видно, — добавил он. — У брошенных девушек одинаковый взгляд. Как у кошек, которых выгнали на улицу. Злой и жалкий одновременно.

— Ты всегда такой приятный собеседник? — огрызнулась я.

— Только когда меня не зовут. — Он перевёл взгляд на мольберт. — А это что? Твоя дипломная работа?

Я машинально посмотрела на свои деревья. Мрачные, серые, с обрубленными корнями.

— Триптих про одиночество, — сказал он. Не спросил, а утвердил. — Сильное заявление. Особенно вторая часть, где корни обрублены. Только... — он помолчал, — красного нет. Совсем. Ты боишься яркого или не замечаешь?

— Что ты понимаешь? — Мой голос дрогнул от злости.

— Я понимаю, что ты хороший художник. Но ты рисуешь боль так, будто она единственное, что у тебя есть. А это неправда.

— Откуда тебе знать, что у меня есть?

Он посмотрел на меня. Впервые за всё время — прямо. У него были тёмные глаза. Уставшие. Но в них горело что-то, чего я не могла определить. То ли любопытство. То ли узнавание.

— Потому что я тоже так рисовал. Два года назад. Серым. Без красного. — Он сунул руки в карманы. — Это проходит. Не боль. А желание прятаться за ней.

Я хотела спросить, что с ним случилось, но он уже повер-

нулся к выходу.

— Постой, — сказала я. — Ты вообще кто?

Он обернулся на пороге.

— Сосед. Снизу. — Кивнул на пол. — У меня мастерская этажом ниже. Стены тонкие, я слышу, как ты передвигаешь мебель. Думал, маньяк. Решил познакомиться.

— Я не передвигаю мебель.

— Тогда у тебя галлюцинации. — Он почти улыбнулся.
— Бывает.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

В мастерской стояла тишина. Я смотрела на пустой дверной проём и чувствовала, как внутри пульсирует злость. Наглый. Самовлюблённый. Явился, критиковал, сказал про красный цвет и ушёл.

Но ещё сильнее злости было другое. Любопытство.

Я перевела взгляд на свой набросок. Серое пятно. Деревья с обрубленными корнями. Ни одного яркого цвета.

«Ты боишься яркого».

Я открыла ящик стола, где в беспорядке лежали карандаши. Красный нашёлся в самом низу, затупленный, с обломанным грифелем. Я взяла его, подошла к мольберту и нарисовала одну тонкую линию. В самом углу листа. Едва заметную.

Маленькую. Красную.

Как вызов. Себе. Ему. Этой дурацкой серой осени.

Я смотрела на неё и не знала, что чувствую.

Но впервые за долгое время мне захотелось продолжать.

ГЛАВА 3. КРАСНЫЙ ИДЁТ

После его ухода я не могла работать.

Сидела на табурете, смотрела на тонкую красную линию в углу листа и перебирала в голове каждое его слово.

«Ты боишься яркого».

«У брошенных девушек одинаковый взгляд».

«Я тоже так рисовал. Два года назад»

Кто он? Почему появился без стука? Почему смотрел на мои рисунки так, будто читал по ним мою жизнь?

И главное — почему меня это так задело?

Я взяла телефон и написала Хелен.

«Ты знаешь парня с первого этажа? Художника. Невысокий, серый худи, наглый взгляд» .

Ответ пришёл через минуту.

«Мейсон?»

«Откуда ты его знаешь?»

«Он учится на курс старше. Сирота. Живёт с дядей. Говорят, очень талантливый, но ни с кем не общается. Почему ты о нём спрашиваешь?»

«Заходил в мастерскую. Нахамил» .

«Он всем хамит. Не бери в голову. Лучше скажи, как ты» .

«Нормально» .

«Врёшь» .

«Немного» .

«Я заеду вечером» .

«Хорошо» .

Я убрала телефон и снова посмотрела на красную линию. Мейсон. Странное имя. Станный человек. Я решила, что больше не буду о нём думать. Выброшу из головы. Забуду, как и Эндрю.

Но уже через час поняла, что не могу.

День тянулся медленно. Я сделала несколько набросков, но всё получалось серым и мёртвым. Корни обрублены. Ветки голые. Красная линия так и осталась одна. Тонкая, почти незаметная, но почему-то важная.

Ближе к вечеру я услышала шаги в коридоре.

Тяжёлые. Неспешные. Они приближались к моей двери, а затем стихли. Я замерла, прислушиваясь. Никто не постучал. Никто не вошёл.

Минута тишины. Потом шаги двинулись обратно.

Я встала, подошла к двери и рывком открыла её.

Коридор был пуст.

Но на полу, прямо перед порогом, лежал маленький клочок бумаги. Я подняла его. На нём было написано карандашом одно слово:

«Красный идёт»

Без подписи. Без смайликов. Без объяснений.

Я сжала бумажку в кулаке и почувствовала, как внутри поднимается злость. Что за игры? Кто он такой, чтобы остав-

лять мне загадочные записки, как в дешёвом детективе?

Я хотела спуститься вниз, ворваться в его мастерскую и высказать всё, что думаю. Но вместо этого почему-то улыбнулась.

Впервые за долгое время — по-настоящему.

Вечером приехала Хелен.

Она ворвалась в мастерскую, как ураган, с пакетом китайской еды, бутылкой колы и огромным количеством вопросов.

— Ну-ка рассказывай, — сказала она, плюхаясь на старый диван. — Что за Мейсон? Что захамил? Почему ты его вспомнила?

— Он сказал, что у меня на щеке краска. Потом критиковал портрет Эндрю. Потом сказал, что я боюсь красного. — Я села рядом с ней, взяла палочки для еды. — И оставил записку.

— Какую?

Я протянула ей клочок бумаги. Хелен прочитала, нахмурилась.

— «Красный идёт». Это что, угроза?

— Не знаю. Может, приглашение.

— Мелани, ты только что рассталась с парнем. И уже собираешься влюбляться в первого встречного психопата?

— Я не собираюсь влюбляться. — Я откусила кусок ролла и прожевала, чтобы выиграть время. — Просто... он стран-

ный. И говорит не как все.

— Не как все — это хорошо или плохо?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но он тоже рисовал серым. Два года. И сказал, что это проходит.

Хелен замолчала. Она смотрела на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

— Ты меня пугаешь, — наконец сказала она.

— Почему?

— Потому что ты на него смотришь не как на человека, который нахамил. А как на загадку, которую хочешь разгадать. А загадки, Мелани, редко заканчиваются хорошо.

— Ты слишком драматизируешь.

— А ты слишком наивна. — Хелен вздохнула. — Ладно. Давай просто поедим. Завтра разберёмся.

Мы ели молча. Я думала о его словах. О красной линии. О записке.

Хелен думала о чём-то своём. Но я знала: она волнуется. И, возможно, права.

Только от этого любопытство не исчезало. Наоборот — росло.

На следующее утро я пришла в мастерскую раньше обычного.

Семь утра. В здании ни души. Я включила лампу, включила музыку, что-то спокойное, инструментальное, и попыталась работать.

Не получалось.

Я смотрела на дверь и ждала. Злилась на себя за это ожидание, но ничего не могла с собой поделать.

В девять он пришёл.

Без стука. Без «здравствуйте». Открыл дверь, зашёл, сел на диван, положил ногу на ногу и уставился на меня.

— Ты чего такая злая? — спросил он.

— Я не злая.

— У тебя брови сдвинуты и губы сжаты. Это злость, Мелани. Или ты так радуешься?

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Хелен рассказала. — Он пожал плечами. — Мы пересекались в коридоре.

— Вы говорили обо мне?

— Немного. Она сказала, что ты хороший человек. И что я не должен тебя обижать.

— Умная женщина.

— Да. — Он кивнул. — Поэтому я и пришёл извиниться.

Я удивилась.

— За что?

— Вчера я был груб. Про твой взгляд, про кошек. Это было лишнее. — Он говорил спокойно, без фальши. — Я не знал тебя. Не знал, через что ты прошла. Не должен был лезть.

— Ты прав, не должен был. — Я скрестила руки на груди.

— Но ты не ошибся.

Он поднял бровь.

— В чём?

— В про красный цвет. И про деревья. — Я помолчала.

— Я рисую одно и то же уже месяц. Серое. Мёртвое. И не знаю, как остановиться.

Мейсон встал с дивана и подошёл к мольберту. Посмотрел на мой новый набросок — ещё одно дерево, ещё одна пустота.

— Хочешь совет?

— Не уверена.

— Он бесплатный. — Он повернулся ко мне. — Перестань рисовать то, что чувствуешь. Начни рисовать то, что хочешь почувствовать.

— Это не работает так.

— А ты пробовала?

Я открыла рот, чтобы ответить — и закрыла. Не пробовала. Ни разу.

— Вот и попробуй, — сказал Мейсон. — Возьми красный. Оранжевый. Жёлтый. Любой, кроме чёрного и серого. И нарисуй... не знаю... цветок. Или солнце. Или просто пятно.

— Это глупо.

— Это терапия. — Он почти улыбнулся. — Доверься. Я тоже так учился.

Я смотрела на него и не знала, что делать. С одной стороны — незнакомец, который вчера нахамил, а сегодня даёт советы. С другой — человек, который понимает, о чём гово-

рит. Потому что сам прошёл через то же самое.

— Ладно, — сказала я. — Один раз. Если не получится — ты уйдёшь и больше не будешь мне мешать.

— Договорились.

Я взяла красный карандаш, тот самый, тупой, с обломанным грифелем. Подошла к мольберту. Посмотрела на пустой лист.

— Не думай, — услышала я его голос. — Просто рисуй.

Я закрыла глаза и нарисовала круг. Потом ещё один. Потом линии, исходящие из центра.

Когда я открыла глаза, на листе было солнце.

Красное. Яркое. Немного кривое, но живое.

— Получилось, — тихо сказала я.

— Получилось, — повторил Мейсон. — Видишь? Ты можешь.

Я посмотрела на солнце, потом на него. Впервые за долгое время внутри шевельнулось что-то, кроме пустоты.

Не счастье. Не надежда. Просто ощущение, что я ещё не сломалась.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — ответил он. — Увидимся.

Он вышел. А я осталась стоять перед мольбертом и смотреть на красное солнце.

И улыбалась. Не потому что надо. А потому что хочется.

Через час я услышала шаги в коридоре. На этот раз я не

стала ждать, вышла сама. Мейсон стоял у своей двери этажом ниже и копался в замке.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я.

Он обернулся.

— Потому что кто-то должен был помочь мне два года назад. Но не помог. — Он вздохнул. — Я решил, что не буду таким, как они.

— Такими, как кто?

— Те, кто смотрел и молчал. — Он открыл дверь и шагнул внутрь. — Спокойной ночи, Мелани.

Дверь закрылась.

Я постояла ещё минуту, потом поднялась к себе. Взяла красный карандаш и нарисовала ещё одно солнце. Потом ещё.

В конце концов на листе их было семь.

Семь солнц. Семь попыток снова начать жить.

Может, не последних.

ГЛАВА 4. ТО, О ЧЁМ МОЛЧАТ

После того вечера что-то изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.